

* * *

Разве я вымыслил тебя, Россия,
Красивой, какой не бывают на свете,
Эти леса на ветру – и другие моря,
Якоря окоема и островки незабудок,
В небе уток, гусей, лебедей, журавлей
И полей слезу умиления – росы?
Я в матросах твоих в океане души,
Я решил для себя основную задачу –
Ничего я не значу, моря все любя,
Без тебя, моя гавань судьбы.
Я бы вымыслил сердце мое или жизнь?
Ты как есть – моя жизнь.
Разве вымысел это?
Если вымысел – он реальней, чем жизнь.

* * *

Деревянные башмаки для ходьбы по заливу –
Морскому околотку –
Лодки –
Топчутся на приколе.
По воле ветра рыбаки полощут глотки
Водкой,
О молодках травя небылицы.
Как говорится, вшивый все о бане,
А они – о Мане, Ане, Груше, Дусе –
Хороши гуси, ничего не скажешь! –
А дальше – ветер несет о Маше, Даше
И даже о заморских кралях.
Алым от стыда солнце водолазом в залив опустилось,
А рыбакам снились Мила, Нина, Зина...

* * *

Березонька моя, душечка над лужочком,
В сорочке, словно у сороки, черно-белой,
Постарел я, все любуюсь ненаглядной,
Рядом все брожу, не оторвусь.
Русь моя, в наряде черно-белом,
С левой я шагаю, по-солдатски,
Сказки я творю про радость нашу,
Кашу я варю из небылиц.

* * *

*Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали...*

Народная песня

Вся в снегу от корней до вершины,
Да, бродяга, я чую – береза.
И зимой цветы расцветают –
Вся она серебристая, в звездах.

На верхушке она лощины –
Ближе ей к цветам разноцветным,
Как и мне по дорогам летним
Ближе в спелых плодах ветки.

И стоим на морозе мы вместе,
Не жених я, она не невеста...
Там, в чащобе, чарующий воздух
Я глотнул вместе с морозом.

И стоять ей, плакучей и милой,
Над моей одинокой могилой.

* * *

Зарей вечерней золотые розы
Разносят аромат воспоминаний
О матери средь дней далеких детства.

Блажен там месяц в пене облаков,
Уж молоко к нагруднику присохло,
И льется соло ладной колыбельной.

Чуть не девчачьи маленькие ручки –
Я лучше их не мыслю во вселенной –
Неизреченной лаской усыпляли.

А ветерок – сыночек южной ночи –
Еще щекочет ноздри черной розой
В черноволосой маминой прическе.

* * *

Глянешь на ребенка – изойдешь любовью.
К изголовью дочки я клоню колени,
И бегут олени за медведем белым,
Белки им орешки сыплют вдоль пути.

Ешьте, дорогие мишки и олени,
Зелень закавказскую, запах спелых дынь,
Вашу стынь полярную добела морозную
Обсажу я розами из сада Саади.

Станет нюхать мишка черным своим носом,
Осами любимую сердцевину роз,
Самому до слез мне нравится агава,
А оленям травы прямо до небес.

Доченька, дочурка, спи мой ангел нежный.
Снежно. За окном московская зима,
А земля вся кружится вокруг твоей постельки,
Колыбельки с розою, с чудом из чудес.

* * *

Я остановился.
Тень моя тоже.
Она обогнала меня,
Поэтому устала.
Вокруг ни души,
Только луна,
Звезды
И вдоль тропы трава.
Я тебя любил,
Любил везде –
На траве,
На луне,
На звездах.
Я тебя обнимал,
Как сейчас вселенную.
Теперь кто-то другой обнимает
Тебя.
Все проходит –
И любовь, и жизнь,
Кроме тени моей,
Застывшей на месте
От боли.

* * *

Ветер растрепал твои пряди, как языки пожара,
Жаря ими мои карие глаза до гари,
А карие глаза слезятся то ли от ветра,
То ли безмерной радости видеть тебя.
Ворожба ветра вздымает волны безрассудства,
Они схлестнутся с поцелуями и объятьями,
О которых имеют понятие только ветренные
Да еще приветливые волны, ветра приятели.

* * *

g-moll

Одну и ту же ноту заунывно на флейте тянет ветер. —
Заметьте, никто на свете, даже вы, вас не поймет. —
Из нот он выбрал пересыпанную солью грусть волынки,
А может быть, в тростинке милость милой клянчил пастушок,
Или урок вел ваш учитель, или выл ветер потому, что одинок.

Вот яблонька моя. Взволнованные листья в страстный ветер. —
Заметьте, нет на свете ничего прекраснее любви. —
Остановись, мгновенье поцелуя, замри, как я,
Где яблонька моя трепещет вся в объятьях ветра,
И щедро распахните окно ему хоть летом.

G-dur

Залетный музыкант — сорвавшийся вдруг ветер —
Приметил яблоньку мою и меж ее ветвей,
Как корифей какой, стал дирижером шума.

И Шуман, и Шопен, и Шенберг атональный
Не знали гармоничности такой —
То вой, то шелест, то божественный покой...

А ведь листвою-то дирижировать не просто.

* * *

*Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.*

Баратынский

Чуть светит солнце, вечер жизни для,
Земля, как женщина, насытившись, тиха,
И лишь ольха сережками чуть слышно
Колышет тишину, с ней поздняя капель
Под елью прячется, играя с тьмью в прятки.

На краткий миг озолотилась высь,
Но уж зажглись, как маяки, светила,
И в озерце луна себя удила,
И мило птахи восхваляли жизнь...
Держись и радуйся, ведь жизнь не повторится.

* * *

Девочка-осень выжала влажное платьице,
Ластится свет нежным ложем к омытой луне,
Наедине забываешь дневную сумятицу
И неурядицу жизни в ее толкотне.

В прелести лунной, будто бы детством обласканный,
Видишь умасленным желтым живой колобок,
И в теремок не свой возвратишься, а сказочный,
В красочный мир, где в оконце луна-светлячок.

* * *

Не слышно, как подземный источник,
Точит подковки кузнечик на стебле,
Вдруг благолепно крылатый конечек,
Точно скакун, скаканул скорострельно.

Где он теперь, на земле или в сини,
Или он снился, он сновиденье,
При пробужденье исчез, словно диво,
Дымом детства в мир удивленья?

* * *

Убегает тропинка ручьем молчаливым,
Торопливо исчезли из глаз грибники...
Как легки и просты твои песни, синица,
Словно снится мне детство у нагорной реки!

Далеки и близки облака, будто волны,
Протяни только крынку – налей молока,
Улыбаюсь себе я, открытjem довольный,
Что до самого неба дотянулась рука.

Мне тоска надоела, приелось мне горе,
А лишь город покину – другой поворот:
Вот тропинка сбежала в тишь бурелома,
И знакомая птаха поет и поет.